A close-up, black and white photograph of a man, Anatoly Marchenko, wearing a dark beret. He is looking slightly to the right. A large, colorful, patterned shawl or blanket is draped over his left shoulder and arm, partially obscuring his face. The background is dark and textured.

Новая история

Анатолий
Марченко

Мы здесь
живем

INLIBERTY

Анатолий Тихонович Марченко
Мы здесь живем.
В 3-х томах. Том 1
Серия «Новая история»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39433125

Мы здесь живем: В 3 т. Т. 1: Два рассказа о первом сроке; Мои показания. / Марченко А.Т.: Новое издательство; Москва; 2018

ISBN 978-5-98379-223-4, 978-5-98379-224-1

Аннотация

Анатолий Марченко – один из самых авторитетных участников диссидентского движения, прошедший в лагерях и ссылках 18 лет и погибший после 117-дневной голодовки с требованием освободить всех политзаключенных в СССР. Настоящее издание объединяет автобиографическую прозу Марченко, в том числе книги «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все» и никогда не публиковавшиеся тексты, найденные в архивах КГБ, политическую публицистику и документы, раскрывающие механику противостояния человека и государства в позднем СССР.

Содержание

От составителей	5
Жизнь и судьба Анатолия Марченко	16
Хроника жизни Анатолия Марченко	44
Два рассказа о первом сроке	65
Целина	65
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Анатолий Марченко
Мы здесь живем. Том 1.
Два рассказа о первом
сроке. Мои показания

Серия «Новая история» выходит в рамках издательской программы проекта InLiberty

В оформлении обложки использована фотография А.Т. Марченко и Л.И. Богораз из семейного архива Марченко

От составителей

По сравнению с большинством других диссидентов советской эпохи Анатолий Тихонович Марченко «относительно» не забыт. Его имя в обязательном порядке упоминается почти во всех более или менее подробных обзорных исследованиях, посвященных диссидентской тематике; о нем, как правило, не забывают и авторы статей на эту тему, ориентированных на широкого читателя. Книги, написанные им, в свое время были изданы и даже переиздавались.

Главный труд Анатолия Марченко, рабочего, волею судьбы ставшего политзаключенным, – «Мои показания», автобиографические записки о мордовских лагерях, – был одновременно первым его опытом в литературе. Он закончил эти записки осенью 1967-го; книга широко разошлась в самиздате, получила высокую оценку профессиональных литераторов, стала своего рода диссидентским бестселлером. «Мои показания» были изданы за границей, переведены на многие языки.

Для многих он так и остался автором одной книги – первого опубликованного свидетельства о советских политических лагерях и советских политических заключенных после сталинской эпохи. Кроме того, в общественном сознании (речь, конечно, о тех, кто хоть что-то знает о советских диссидентах) сформировался образ «диссидента из простых ра-

бочих», такого современного Горького, своим умом дошедшего «до правды» и не побоявшегося прокричать эту правду на весь мир.

Марченко также знают как «вечного зэка», как человека, который большую часть своей сознательной жизни провел в неволе. С 1958 по 1981 год его арестовывали и приговаривали шесть раз: первый – по уголовному обвинению, за драку, остальные пять – по политическим мотивам. И хотя некоторые из этих пяти арестов были замаскированы фальсифицированными обвинениями по «бытовым» статьям («нарушение паспортных правил» в 1968 году и «нарушение правил административного надзора» в 1975-м), все прекрасно знали, что на самом деле Марченко расплачивался за свои политические и гражданские взгляды, которые всегда без колебаний высказывал и в своих мемуарах, и в своей публицистике.

Если бы он отбыл свой последний срок – десять лет лагеря и пять лет ссылки – полностью, то вышел бы на свободу в 1996 году. Но он не вышел на свободу: в декабре 1986 года он умер в Чисто-польской тюрьме после четырехмесячной голодовки, единственным требованием которой было освобождение всех политических заключенных в СССР.

Это освобождение действительно было начато Горбачевым в январе 1987 года, через полтора месяца после гибели Марченко. Поэтому многие помнят Анатолия Марченко еще и как человека, отдавшего жизнь ради свободы совет-

ских «узников совести».

Помимо «Моих показаний», вышедших в 1969 году сразу в нескольких странах (Германии, Англии и др.), и публицистики, Марченко известен как автор еще двух книг: записок «От Тарусы до Чуны», изданных в 1976 году в Нью-Йорке, в которых он рассказывал о своем деле 1975 года: аресте, следствии, суде, этапе; и неоконченной «Живи как все», продолжающей «Мои показания», которую он писал с 1970-х годов и которая была прервана последним арестом. Эта повесть – точнее, ее фрагменты, сохранившиеся после многочисленных обысков и изъятий вариантов рукописи в 1970-е и объединенные в единый текст в начале 1980-х женой мемуариста Ларисой Богораз, – начинается с освобождения автора из Дубравлага в ноябре 1966 года и обрывается лагерным судом 1969 года.

Это и есть литературное наследие Марченко: «Мои показания», «От Тарусы до Чуны», «Живи как все». И, сверх того, еще пара десятков публицистических статей и заметок, распространявшихся в самиздате и/или напечатанных в разных зарубежных изданиях. Некоторые из его текстов начиная с конца 1980-х годов печатались в отечественной периодике, а в 1991 и 1993 годах вышли два авторских сборника¹. И все.

Так мы полагали до середины 1990-х.

¹ Марченко А.Т. Мои показания. М.: Моек, рабочий, 1991; Марченко А.Т. Живи как все. М.: Весть-ВИМО, 1993.

В середине 1990-х мы отправились во Владимир, где в 1981 году проходили последнее следствие и последний судебный процесс над Анатолием Марченко (в 1978–1981 годах он жил во Владимирской области, в городе Карабанове). Там, в архиве Владимирского управления Федеральной службы безопасности, хранилось его следственное дело. И там, среди прочих документов, мы обнаружили многочисленные рукописи.

О существовании двух рукописей нам было известно – это те черновые публицистические наброски, за которые, в числе прочего, он был осужден в 1981 году; естественно, что они хранились в следственном деле. В протоколах обыска они обозначены так: «Тексты, начинающиеся словами: „Приговоры – демонстрация...” и „Войдут или нет советские танки...”». В свое время мы долго гадали, что кроется за этими обрывками (хотя тематика второго текста была более или менее нам ясна: в разгар польской революции не требовалось долго ломать голову над тем, куда именно могли войти или не войти советские танки).

Но помимо этих двух черновых набросков в деле обнаружилось великое множество других рукописных и машинописных текстов, производящих впечатление более или менее законченных новелл. Далеко не все они были изъяты на обыске 1981 года, сопутствовавшем последнему аресту; многие были взяты у Марченко в ходе других, более ранних обысков (таковых было около десятка) и, вероятно, до поры

до времени хранились при оперативном деле, а в марте 1981-го были приобщены к делу следственному.

Некоторые из этих текстов, очевидно, представляли собой варианты и фрагменты книги «Живи как все», которую автор неоднократно восстанавливал после изъятий рукописи. в начале 1980-х Лариса Иосифовна Богораз, составлявшая книгу, этими текстами не располагала.

Но о некоторых рукописях мы даже не подозревали. Это были автобиографические новеллы, относящиеся к событиям до времени действия «Моих показаний» либо к периоду после 1975 года (времени действия очерка «От Тарусы до Чуны»), включая эпизоды, в которых описан недолгий период пребывания Марченко на свободе между 1978 и 1981 годами. Некоторые же фрагменты заполняли обширную временную лакуну между приговором 1969 года и арестом 1975-го: Соликамские и Ныробские лагеря, освобождение, скитания в поисках жилья и работы, жизнь в Тарусе (1972–1975). Эти фрагменты, очевидно, следует рассматривать как утраченную и вновь обретенную «вторую часть» книги «Живи как все».

Когда мы, оправившись от первого шока, стали разбирать и систематизировать эти рукописи, то с изумлением поняли, что перед нами – редчайший литературный феномен: совокупность текстов, не только заполняющих лакуны в «Живи как все», но образующих вместе с тремя известными и опубликованными произведениями своего рода мемуарную

сагу, практически непрерывное повествование, охватывающее более двух десятилетий жизни автора, с 1959 до 1980 года.

Конечно, значительная часть этих текстов представляет собой варианты и черновые наброски, в том числе варианты фрагментов, уже опубликованных в «Живи как все». Мы не располагаем сведениями о том, какие из них автор считал окончательно завершенными. Несомненно, над многими, если не над всеми текстами Марченко собирался еще поработать: зная его тщательность и ответственность, с которой он относился к своему литературному труду, мы можем утверждать это с уверенностью. При составлении этого сборника у нас не было возможности строго следовать авторской воле, ибо она нам неизвестна и мы никогда ее не узнаем. Мы могли опираться только на собственную интуицию.

В итоге мы сочли полноценными частями биографического эпоса Марченко следующие тексты:

- две новеллы, действие которых протекает в Карлаге в 1959–1960 годах, в период отбывания Анатолием Тихоновичем своего первого, «уголовного» срока: «Целина» и «Восстание в Темиртау»;
- повесть «Мои показания» (время действия — 1960–1966 годы);
- ранее опубликованную первую часть повести «Живи как все» (время действия – 1966–1969 годы), дополненную двумя большими фрагментами, относящимися к этому же пе-

приоду и обнаруженными в деле Марченко;

– ранее неизвестные части повести «Живи как все» – фрагменты «Соликамск – Красный Берег – Чуна» и «Москва – Таруса» (время действия – 1969–1974 годы);

– «От Тарусы до Чуны» – очерк об аресте 1975 года, суде и этапе в ссылку;

– «Мы здесь живем» – составленную совместно с Ларисой Богораз композицию из трех бытовых зарисовок («Сортирная сюита», «Квартирный вопрос», «Тихая пристань»). Автор первой новеллы – Марченко, автор второй – Богораз, третья – «Тихая пристань» – написана в форме «диалога» между обоими авторами и относится к 1978–1981 годам, продолжая тем самым «автобиографическую сагу» Марченко. Впрочем, и в «Сортирной сюите» присутствуют эпизоды, дополняющие эту сагу. Разделить эти три новеллы невозможно, сюжетно и жанрово они образуют единый текст, объединенный к тому же общим авторским заголовком. Поэтому мы включили все три новеллы как единое целое в книгу Марченко, несмотря на то, что вторая из них написана Ларисой Богораз, а третья – продукт совместного творчества.

Наконец, мы позволили себе еще одну вольность. Публикуемые в этой книге тексты свидетельствуют: Анатолий Марченко не только всю жизнь боролся за право оставаться свободным человеком. С 1967 по начало 1981 года он фиксировал на бумаге все, что с ним и вокруг него происходило, оценивал происходящее и размышлял о судьбе своей стра-

ны. Эта работа, которую он справедливо считал частью своей борьбы за свободу, была прервана последним арестом в марте 1981 года. Мы уверены, что, если бы Марченко вышел на свободу, его повествование о своей жизни и судьбе пополнилось бы новыми главами. Но он не вышел на свободу, он погиб в Чистопольской тюрьме. И мы сочли своим долгом завершить за него эту ненаписанную часть его книги, представив ее наиболее важными материалами, относящимися к его последнему сроку: судебными и следственными документами, записью его последнего слова на суде во Владимире, перепиской тюремщиков, письменными заявлениями самого Марченко и т. д. Эти материалы взяты нами частично из того же самого архивно-следственного дела, что и рукописи Марченко, частично же – из личного дела заключенного, копия которого хранится в архиве Научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» в Москве. Мы озаглавили эту ненаписанную часть его книги «Последний срок Анатолия Марченко в документах».

Анатолий Марченко не имел возможности сам собрать свою автобиографическую прозу воедино – мы вынуждены были сделать это за него. Поэтому мы сочли себя вправе дать собранной нами совокупности текстов общее название – «Мы здесь живем», по названию одной из ее частей. Это же название мы выбрали для сборника в целом².

² Предупреждая естественные вопросы читателей, спешим сообщить, что Владимир Николаевич Войнович, который еще в 1961 году опубликовал в «Новом

Еще один раздел сборника включает в себя все, что нам удалось собрать из публицистического наследия Анатолия Марченко. Среди прочих мы поместили в этот раздел три текста, в которых Марченко выступает в роли соавтора (второй автор – Лариса Богораз). Это статья «„Tertium datur“ – третье дано», посвященная политике «разрядки международной напряженности», «Прошение о всеобщей политической амнистии» и «Письмо в газету» – рассказ о цепи обысков, которым авторы непрерывно подвергались в течение ряда лет. Из ключевых политических текстов, сыгравших определяющую роль в судьбе Марченко, мы не включили в этот раздел его открытое письмо в поддержку демократических реформ в Чехословакии – это письмо полностью входит в текст опубликованной части повести «Живи как все», там мы его и оставили. Мы также вынесли из этого раздела сборника два черновых наброска, инкриминировавшихся Марченко на судебном процессе в 1981 году. По нашему мнению, это всего лишь незаконченные черновики, извлеченные из письменного стола автора против его воли, и публиковать их в одном ряду с текстами, которые Марченко сознательно предавал гласности, точно зная, чем он рискует, значило бы действовать в рамках жандармской логики. Но эти тексты сыграли серьезную роль в его судьбе – за них он получил свой последний лагерный срок. Поэтому мы сочли правиль-

мире» одноименную повесть, любезно дал нам разрешение использовать в заглавии сборника этот оборот.

ным все-таки включить названные черновики в сборник, поместив их в примечаниях, расположенных в конце книги.

Туда же, в примечания, мы вынесли три фрагмента биографической прозы, два из которых – «Прописка в Александрове» и «Слежка» – хронологически и тематически примыкают к первой части «Живи как все», а третий – «Арест в Тарусе» – к запискам «От Тарусы до Чуны». На наш взгляд, эти рукописи – ранние наброски, которые автор не счел необходимым восстанавливать после изъятия их на обысках.

Отдельным приложением мы публикуем подборку официальных документов, имевшихся в нашем распоряжении. Это главным образом копии документов следственного и судебного производства 1958, 1961, 1968, 1969 и 1975 годов: приговоры, а также обзорные справки по уголовным делам, составленные в 1981 году. Все эти документы извлечены из архивно-следственного дела 1981 года. Кроме того, в документальное приложение к сборнику мы включили протокол объявления ему «предостережения» в январе 1974 года.

Документы по делу 1981 года и материалы, связанные с отбыванием им срока в Пермских лагерях и Чистопольской тюрьме в 1981–1986 годах, в это документальное приложение не вошли – как уже было сказано, мы использовали их в разделе «Последний срок Анатолия Марченко в документах».

Мы благодарим за содействие в подготовке издания сотрудников Научно-информационного и просветительского

центра «Мемориал»: Геннадия Кузовкина, Алексея Макарова и Татьяну Хромову.

Жизнь и судьба Анатолия Марченко

1.

Барабинск, небольшой город в Новосибирской области, возник в конце XIX века, когда через степи и болота Барабы (так испокон веков называли эту местность ее коренные жители – сибирские татары) прошла Транссибирская железнодорожная магистраль. Собственно, города никакого поначалу и не было: железнодорожная станция, локомотивное депо, рабочий поселок.

В 1910-е годы станция Барабинск стала одним из перевалочных пунктов для крестьян-переселенцев, которых реформа Столыпина наделила землей в Сибири. Среди тысяч переселенческих семей, выгружавшихся из вагонов, была и семья харьковского крестьянина Акима Марченко. Одному из его сыновей, Тихону, было тогда года четыре.

Поселились Марченки в небольшой деревушке не очень далеко от станции и начали крестьянствовать, как крестьянствовали на родной Украине. На новом месте Аким стал, по местным понятиям, довольно зажиточным хозяином, даже завел кузницу, что давало семье дополнительный доход.

Гражданская война в Сибири была особенно ожесточенной, красные убивали белых, белые – красных, и те и другие грабили крестьян. Сибирские крестьяне не приняли «колчаковщины», связанной в их понимании прежде всего с реквизициями и насильственной мобилизацией; они уходили в тайгу, создавали партизанские отряды. Правительство Колчака отвечало карательными экспедициями и экзекуциями. Акима, который ковал пики для партизан, колчаковцы схватили и расстреляли. Его дети, в том числе и Тихон, которому было тогда около десяти лет, остались без отца.

Тихон вырос в деревне. Образования никакого он не получил (до конца жизни он почти не умел ни читать, ни писать), да и не нужно ему было в его крестьянской работе какое образование. В начале 1930-х покинул родное село, спасаясь, вероятно, не столько от коллективизации (после гибели главы семьи Марченки обеднели, и раскулачивание им, скорее всего, не грозило), сколько от голода, наступившего вслед за коллективизацией, и поселился в Барабинске. Женился на крестьянской девушке, такой же, как он сам, неграмотной, тоже дочери переселенцев, только не с Украины, а из Центральной России. Тихон Акимович устроился кочегаром на паровоз, Елена Васильевна занималась хозяйством. В 1938 году у них родился сын Анатолий.

Анатолий Марченко так описывает свое детство: «Я рос среди детей железнодорожников. наших родителей не называли паровозниками или вагонниками, для всех рабочих же-

лезной дороги было одно название: мазутник. Зимой и летом мазут с их одежды буквально капал, так они им пропитывались»³.

В автобиографической прозе барабинскому детству и вообще Барабинску автор уделяет не так уж много места. Но и по тем немногим страницам, где он делится своими детскими воспоминаниями, читатель легко составит общее представление о жизни подростка из рабочей семьи в маленьком сибирском городке: убогой, трудной, голодной. Позволю себе, однако, предположить, что 17-летнего Анатолия погна-ли прочь из родного дома, едва только он окончил восемь классов средней школы, не столько голод и нищета, сколько узость горизонтов, общее ощущение безнадежной тупиковости провинциального бытия. В середине 1950-х рабочему парню нетрудно было вырваться в большой мир: для этого достаточно было завербоваться на какую-нибудь «стройку коммунизма». Анатолий Марченко так и поступил: уехал по «комсомольской путевке» (то есть по направлению от райкома комсомола) на строительство Новосибирской ГЭС. Там он получил рабочую специальность бурового мастера и следующие два-три года работал на разных стройках, в геолого-разведочных экспедициях, на нефтепромыслах и т. д.

В январе 1958 года жизнь Марченко круто меняется: его арестовывают за участие в групповой драке (в которой он на самом деле не участвовал) и приговаривают к двум годам ис-

³ «Живи как все» (см. наст. изд., т. 2, с. 13).

правильно-трудовых лагерей. Подобные «судебные ошибки» возникали чаще всего из-за нежелания судов серьезно вникать в великое множество «мелких» дел и были скорее правилом, чем исключением: биографии рабочей молодежи того времени пестрят такими судимостями.

В советском обществе – в его социальных низах – этим судимостям особого значения не придавали. Да и срок Марченко получил вроде бы небольшой, к тому же в декабре 1959-го, за месяц до конца срока, по постановлению Президиума Верховного Совета СССР его досрочно освободили из Карагандинского лагеря со снятием судимости. Последнее обстоятельство – снятие судимости – указывает на то, что в конце концов в высших инстанциях разобрались в его деле и поняли, что парень попал в лагерь случайно. Казалось бы, Анатолий мог спокойно вернуться к прежней жизни. Но тут-то и проявилось основное свойство его характера – обостренная, яростная, непримиримая реакция на несправедливость и ложь. Это свойство бурно проявлялось в нем всегда, независимо от того, затронула ли несправедливость лично его или кого-нибудь другого. На этот раз несправедливость коснулась лично его: ни за что ни про что он отсидел почти два года, а его даже не признали невиновным официально, чтобы не портить судебную статистику, не увеличивать цифру в графе «судебные ошибки» на лишнюю единичку.

О причинах, заставивших Марченко осенью 1960 года,

почти через год после освобождения, попытаться бежать из СССР, мы, в сущности, ничего не знаем, как не знаем и того, где и как провел он этот год. Сам он говорит об этом периоде лаконично и глухо: «Дальше обстоятельства моей жизни сложились так, что я решил бежать за границу»⁴. Но те, кто знал Анатолия, понимают, что для него достаточным поводом могла стать и та несправедливость, с которой он столкнулся и противостоять которой (как он тогда думал) не мог, а смириться не умел.

Что могло остановить его в этом намерении? Советский патриотизм? Для выходца из рабочей среды – а не было в тогдашнем СССР социального слоя, который ненавидел и презирал бы «рабочую власть» так люто, как рабочий класс, либеральная интеллигенция ему в этом отношении и в подметки не годилась, – любая патриотическая риторика была не более чем словами, да и лживыми к тому же. Страх неудачи? Но бояться Марченко, кажется, вообще не умел. Тоска по родному Барабинску? Но он бежал из этой дыры несколько лет назад и возвращаться, похоже, не собирался. Перспектива никогда в жизни больше не увидеть близких? Анатолий любил мать и отца, нежно относился к младшему брату. Но в последние годы он не часто с ними виделся, а годы скитаний ослабили если не силу родственных чувств, то уж, во всяком случае, крепость родственных связей. Боязнь не найти себя за рубежом, в чужом, инопланетном мире? Но он, в

⁴ «Мои показания» (наст. изд., с 77).

свои 22 года, уже привык полагаться только на себя и ни на кого больше.

Так или иначе, в конце октября 1960 года Анатолий Марченко был задержан пограничным нарядом на иранской границе, судим и приговорен к шести годам лагерей за «попытку измены Родине». Марченко получил шесть лет – по меркам Уголовного кодекса совсем немного, потому что за «измену Родине» давали от 5 до 15 лет, а теоретически могли и расстрелять. Но он почему-то не преисполнился благодарности к власти за ее гуманность.

«Измена Родине» считалась политическим преступлением, и осужденных по этой статье отправляли в политические лагеря. Если бы Марченко арестовали лет на шесть-семь раньше, он мог бы попасть куда угодно: на Колыму, на Воркуту, в Норильск, в Казахстан; по «политическим» статьям в лагерях и тюрьмах СССР отбывали сроки сотни тысяч безвинных людей. Но после смерти Сталина партия провозгласила «возвращение к нормам социалистической законности», большинство политических лагерей закрыли или заполнили уголовниками, а почти всех заключенных, сидевших по политическим обвинениям, освободили. В конце 1960 года в стране оставалось всего два политических лагеря: один – Озерлаг – в Тайшете (Восточная Сибирь), а другой – Дубравлаг – в Мордовии. Марченко отправили в Тайшет, но до лагеря он доехать не успел: Озерлаг тоже закрыли и всех политических заключенных перевели в Мордовию. В

Дубравлаге Анатолий Марченко встретился не только с такими же, как он сам, полуобразованными искателями правды и справедливости, но и, впервые, с настоящими политзаключенными – борцами за свободу: национальную, религиозную и духовную.

В первой половине 1960-х «особо опасные государственные преступники» (так официально именовались осужденные по «политическим» статьям Уголовного кодекса) представляли собой очень пеструю публику. По данным Прокуратуры СССР, на 14 июля 1965 года (более ранними сведениями мы, к сожалению, не располагаем) в Дубравлаге таких содержалось 3816. Из них не всех можно было назвать политзаключенными: изрядную долю составляли «полицаи» – коллаборационисты, осужденные за сотрудничество с немцами во время войны; на совести многих из них были реальные злодеяния. Другая большая категория – украинские и литовские националисты-партизаны, досиживающие свои 25-летние сроки, полученные еще при Сталине; они, конечно, были самыми настоящими политическими заключенными – но никакая Amnesty International не решилась бы назвать их «узниками совести», свои убеждения они отстаивали с автоматами в руках. Иные, как Марченко, сидели за попытку покинуть СССР – таких тоже было довольно много. Остальные – за «антисоветскую пропаганду и агитацию». В последней категории в те годы было много случайных людей, попавших в лагерь за спонтанное выражение недовольства

теми или иными сторонами советской жизни. Много было также осужденных «за веру» – свидетелей Иеговы, пятидесятников, баптистов, адвентистов, членов других запрещенных религиозных общин. Немало было и таких, кто действительно посвятил свою жизнь борьбе с советской властью, – активистов националистического подполья (уже не вооруженного) из Украины, Прибалтики, Армении, других национальных республик Советского Союза. Попадались и участники чисто политических движений, молодежных антисоветских кружков и групп, по преимуществу тоже подпольных.

Дубравлаг – с 1961 по 1972 год единственный политический лагерь (а точнее, группа лагерей – лагпунктов) в Советском Союзе – был совсем не из тех «истребительно-трудовых» лагерей сталинского времени, о которых пишет Солженицын. Люди здесь не гибли десятками и сотнями от голода и непосильной работы, и те из заключенных, которые прошли в свое время Колыму и Норильск, считали лагерный режим 1960-х очень мягким. Но все равно это был бесчеловечный режим, калечащий и раздавливающий людей, большинство из которых, по общечеловеческим понятиям, никаких злодеяний не совершили.

Марченко смотрел, слушал, учился, много читал. Впервые, наверное, за всю свою жизнь он столкнулся с таким морем человеческого несчастья, с таким количеством изломанных человеческих судеб, с таким откровенным и концен-

трированным противостоянием тупой силы государственно-го зла множеству самых разнообразных человеческих побуждений и идеалов. Похоже, сами эти побуждения и идеалы ему были не очень интересны; он не стремился выбрать что-то свое в пестроте лагерных мировоззрений, идеологий, политических платформ. Чтобы обозначить и назвать то, чему он в эти годы полностью и навсегда отдался, достаточно двух слов: противостояние злу.

В ноябре 1966 года, когда срок, определенный Анатолию Марченко судом, закончился, за вахту вышел совсем другой человек: начитанный, твердый, убежденный противник советской власти.

2.

К середине 1960-х значительная часть советской интеллигенции уже была охвачена «инакомыслием» и находилась в перманентной внутренней оппозиции к власти. Общество, потрясенное публичным разоблачением сталинского террора в 1956 году, пристально и критически вглядывалось в себя и власть. Одни с переменным успехом пытались противостоять партийному диктату в сфере собственных профессиональных интересов: воевали с цензурой в литературе, изобразительном искусстве, театре и кинематографе, в гуманитарных научных дисциплинах, выдвигали и отстаивали «еретические» идеи в экономике, социологии, культуре. Другие

выбирали путь «малых дел»: честно и добросовестно выполняли свою работу школьных преподавателей, врачей, инженеров, пытаясь не обращать внимания ни на «партийное руководство», по мере сил препятствовавшее всему новому и дельному, ни на общий социальный и политический маразм, в который все глубже погружалась страна. Находились и те, кто пытался противостоять системе как таковой, организуя подпольные группы и кружки, – этим была прямая дорога в Мордовию; среди бывших солагерников Марченко они составляли небольшую, но заметную часть. Наконец, постепенно начали появляться в самых разных слоях общества люди, которые открыто выступали с критикой режима или его отдельных аспектов, игнорируя негласные и гласные запреты на подобную критику; этих последних позднее, уже в начале 1970-х, стали называть диссидентами.

Все большее значение приобретал самиздат – рукописи распространяли и сами авторы, и читатели, перепечатывавшие их на пишущих машинках. В самиздате циркулировали поэзия, художественная проза, политические трактаты и научные исследования, переводная литература.

Общество постепенно изживало иррациональный страх перед КГБ и вообще перед властью. Это стало возможным потому, что после смерти Сталина за инакомыслие перестали немедленно убивать, хотя, разумеется, «точечные» и «целевые» гонения на инакомыслящих продолжались в разных формах, а в отдельных случаях власти даже прибегали к аре-

стам и лагерным срокам. По масштабам страны этих случаев (в сравнении с размахом террора в сталинские времена) было немного, и о них мало кто знал.

Одной из ключевых тем самиздата была история сталинского террора, в частности – история ГУЛАГа. Хотя критика «нарушений социалистической законности в период куль-та личности Сталина» прозвучала из уст высших партийных руководителей на съездах КПСС в 1956 и 1961 годах, тема репрессий эпохи Сталина, сталинских лагерей и тюрем просачивалась через цензуру с трудом: опубликованный в 1962-м рассказ Александра Солженицына «Один день Ивана Денисовича» был скорее исключением, чем правилом. Множество мемуарных свидетельств, ходивших в самиздате (в том числе «Колымские рассказы» Варлама Шаламова или «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург), восполняло дефицит этой темы в официальной печати. Не говоря уже о том, что в 1950-е из лагерей вернулись сотни тысяч освобожденных политзаключенных, которым было что рассказать о пережитом. И было кому рассказать: «реабилитированных» встречали с колоссальным сочувствием и рассказы их слушали с огромным интересом. Так что широкая публика имела неплохое представление о политических лагерях сталинских времен.

Но, парадоксальным образом, эта же публика не имела практически никакого представления о современных ей политических лагерях и политических заключенных. То есть, родственники осужденных, ездившие на свидания, разуме-

ется, хорошо знали и дорогу до станции Потьма Горьковской железной дороги, в семи с половиной часах езды от Москвы, и узкоколейку, ведущую вглубь мордовских лесов, в царство лагерных зон Дубравлага, и идиллический среднерусский пейзаж, перемежающийся вышками, проволочными заборами и бараками за проволокой, и путь к вахте, где следовало получить разрешение на свидание или передачу. Но это знание не выходило за пределы семей осужденных. Я хорошо помню, как в 1966 году приятельница нашей семьи, взявшаяся проводить мою мать и меня на свидание к моему отцу, писателю Юлию Даниэлю, который отбывал тогда свой срок в «столице» Дубравлага, поселке Явас, углядела за колючей проволокой своего знакомого, осужденного в 1958 году на 10 лет. Точнее, это знакомый ее углядел и окликнул – она сначала не узнала в оборванном и отощавшем зеке своего сокурсника. Конечно, она, как и многие, слышала о нашумевшем деле подпольного марксистского кружка на историческом факультете МГУ; конечно, она сочувствовала осужденным по этому делу – но о том, что с ними случилось после суда и приговора, она понятия не имела.

Возможно, это «забвение» было остаточным феноменом мироощущения 1930-х годов, когда люди, арестованные НКВД, уходили «в никуда» и возвращались – если возвращались – «из ниоткуда».

Положение начало меняться после ареста и осуждения в 1966 году Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Этот судеб-

ный процесс, прогремевший на всю страну и на весь мир (писателей осудили соответственно на семь и пять лет лагерей за то, что они под псевдонимами публиковали за рубежом свои повести и рассказы), вообще многое изменил в советском обществе. В ходе протестов против суда и приговора многие московские «диссидентствующие» кружки и дружеские компании слились в единую социокультурную среду: спустя два-три года этот сплав превратился в гражданское движение протеста против политических преследований в СССР вообще (еще позднее это движение стало принято называть правозащитным). Естественно, в этой среде и среди интеллигенции в целом (а интеллигенция, надо сказать, почти целиком горячо сочувствовала «протестантам» и всячески их поддерживала) живо интересовались дальнейшей судьбой осужденных писателей. О Дубравлаге стали говорить – как о месте «где-то в Мордовии, куда отправили Синявского и Даниэля». В более узком – но тоже довольно обширном – кругу, состоящем из друзей и знакомых обоих литераторов, звучали имена некоторых их сокамерников (в том числе и имя Анатолия Марченко); завязались переписки, начали собирать деньги на помощь семьям, в Дубравлаг пошел поток посылок и бандеролей от незнакомых людей к незнакомым людям. Туман незнания и забвения, окутывавший политлагеря и политзаклученных начала 1960-х, понемногу рассеивался.

Но систематической картины все еще не было, и еще не

пришло осознание того, что не только сам факт политических преследований, но и результат этих преследований – положение политических заключенных, обращение с ними лагерной администрации, их борьба за свои человеческие права – должен стать общественной проблемой и предметом общественного внимания.

И только благодаря «Моим показаниям» – запискам Анатолия Марченко о Мордовских лагерях и Владимирской тюрьме – политлагеря и политзаключенные оказались в центре внимания протестного движения, нарождавшегося в эти годы в Советском Союзе, а поддержка их борьбы стала одной из главных задач этого движения.

Марченко начал работу над книгой вскоре после выхода на свободу и работал над нею до поздней осени 1967 года, упорно и с огромным трудом осваивая новое для себя ремесло литератора. В конце года текст «Моих показаний» уже ходил по рукам и сразу стал самиздатским «бестселлером». Припоминаю восторженные отзывы первых читателей: писателя Льва Копелева, филолога Вячеслава Иванова, режиссера Георгия Товстоногова, актера Игоря Кваши и многих других. И в самом деле, «Мои показания» производили сильное впечатление. В первую очередь именно потому, что речь в записках шла не о сталинском времени, а о том, что происходит «здесь и сейчас», в семи часах езды от столицы, в тот момент, когда читатель откладывает прочитанную страницу и берет в руки следующую. Но, конечно, значительную роль

сыграли и личность автора, и его несомненный талант мемуариста, и точно выбранная интонация. Отстраненное, внешне спокойное, почти этнографическое описание лагерной и тюремной жизни; россыпь эпизодов, иногда страшных и отвратительных, иногда забавных и трогательных, но всегда ярких и выразительных; вставные биографические новеллы и портретные зарисовки людей, с которыми его сводила арестантская судьба. И за всем этим – почти нигде в явном виде не вербализуемые, но отчетливо проступающие сквозь ткань повествования авторские эмоции: солидарность, сочувствие, жалость – к гонимым, ярость, гнев, презрение – к гонителям. В полном соответствии с названием своих записок автор ограничивает себя ролью свидетеля – свидетеля обвинения, разумеется; но очевидно, что из него получился бы и неплохой прокурор.

Интонация, счастливо найденная для «Моих показаний», сохранится без изменений и в других, более поздних мемуарно-автобиографических работах Марченко.

В 1969 году «Мои показания» были напечатаны за границей, сначала по-русски, и тоже произвели сенсацию: об этом можно судить хотя бы по тому, что в течение нескольких следующих лет книга была переведена на основные европейские языки и даже, кажется, на японский.

Все это – и самиздатский успех, и мировая слава – могло бы определить дальнейшую судьбу автора, счастливую, или трагическую, или счастливую и трагическую одновременно.

Могло бы – если бы не то, что начиная с 1960 года Анатолий Марченко всегда определял свою судьбу сам, и никакие внешние обстоятельства не могли этому помешать.

3.

О жизни Марченко в 1966–1968 годах, между двумя лагерными сроками, нет смысла рассказывать подробно: он сам рассказал об этом в поздней автобиографической повести «Живи как все», также вошедшей в настоящий свод. Приезд в Москву, знакомство с московскими диссидентами, работа над «Моими показаниями», игра в кошки-мышки с КГБ. Несколько публицистических выступлений, подхваченных самиздатом, в основном посвящены той же теме, что и «Мои показания», – положению советских политзаключенных. Но не только: в июле 1968 года, в разгар Пражской весны, Анатолий Марченко отправляет в советские и зарубежные газеты открытое письмо⁵, предупреждающее об угрозе советского военного вторжения в Чехословакию. Это было необычно: внешнюю политику правительства в то время еще остерегались публично критиковать. Незамедлительно последовал новый арест и новый срок по сфабрикованному обвинению в «нарушении паспортного режима».

Книга «Живи как все» была начата в 1970-е годы и обо-

⁵ Текст этого письма см. в «Живи как все» (наст. изд., т. 2, с. 110–116).

рвана последним арестом в 1981-м. В том варианте, в котором текст был впервые издан в 1987 году в Нью-Йорке, повествование завершается августом 1969-го. Тогда, отбыв срок, к которому его приговорили, Марченко не выходит на свободу, а получает еще два года – за «клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй», якобы высказывавшиеся им в разговорах с сокамерниками.

Что было дальше? Анатолий Марченко отбыл и этот срок, в 1971-м все-таки вышел на свободу, женился – на Ларисе Богораз, которая еще в 1966–1967 годах вводила его в круг московских диссидентов; в 1973 году у них родился сын Павел. После долгих мытарств – Анатолию не разрешали прописаться у жены в Москве – семья устранивается в Тарусе. Жизнь понемногу налаживается. Еще в 1968 году автор «Моих показаний» стал одним из самых известных советских диссидентов, но пока он не принимает активного участия в их движении. Его подпись появляется под несколькими коллективными обращениями правозащитников, но сам он почти не выступает публично. Вообще-то коллективные обращения – не его жанр, Анатолий Марченко по природе своей – «одинокий волк».

Больше всего его занимают две вещи: наконец-то появившаяся у него семья и автобиографические записки, над которыми он начинает работать и которые потом превратятся в книгу «Живи как все».

Однако условия для творчества совсем не идиллические: Марченко, как бывший заключенный, поставлен под административный надзор милиции, что фактически означает статус ссыльного – ему запрещено выезжать из Тарусы, выходить на улицу после 10 часов вечера, он должен регулярно отмечаться в милиции. Несколько раз к нему приходят с обысками и изымают черновики его записок – и каждый раз он садится и восстанавливает написанное. Время от времени он получает «дружеские» советы из КГБ: уезжай из страны, пока снова не посадили (не правда ли, причудливый поворот судьбы: некогда он получил свой первый «квазиполитический» срок за попытку покинуть СССР – теперь его уговаривают это сделать!). В конце концов Марченко ради семьи соглашается на эмиграцию. Он пишет заявление в Президиум Верховного Совета СССР об отказе от советского гражданства и о своем намерении эмигрировать в Америку (американские профсоюзные лидеры давно приглашали его приехать в Штаты). Но и уступая давлению, он не желает лгать «как все». В те годы существовал единственный способ переселиться за рубеж: получить вызов от «родственников» из Израиля, а оттуда уже отправляться куда угодно, где можно устроиться. Ему получить такой вызов не было никакой проблемы, и советские чиновники наверняка не стали бы выяснять, откуда у сына барабинского железнодорожника появилась троюродная тетя в Тель-Авиве. Но Марченко отказался участвовать в этой общепринятой игре: уехать он согласен и

даже требует, чтобы ему разрешили покинуть страну, – но придумывать себе фальшивую тетю он не желает.

Ну что ж, так – значит, так. И в 1975 году Анатолия Марченко вновь арестовывают, за «нарушение правил административного надзора». Новый суд, новый приговор – четыре года ссылки. Эпопея 1975 года описана им в очерке «От Тарусы до Чуны», впервые вышедшем в Нью-Йорке в 1976-м, а затем многократно издававшимся за рубежом и в постперестроечные годы – в России.

Чуна – поселок в Восточной Сибири, куда его отправили в ссылку. Скорее, даже не поселок, а небольшой городок на БАМе, чем-то похожий на Барабинск. Впрочем, Марченко это место знакомо: там в 1969–1971 годах Лариса Богораз отбывала ссылку за участие в протестной акции на Красной площади против вторжения в Чехословакию, туда он к ней приехал, освободившись из лагеря в 1971 году. Теперь там живет он сам, работает, продолжает писать «Живи как все» (и раз за разом восстанавливать книгу после обысков). Пишет публицистические статьи: о политических преследованиях в СССР, о лжи и убогости советской системы, об излишней готовности Запада идти навстречу Кремлю в политике «разрядки напряженности» (эту политику, в том виде, в котором она осуществляется, Марченко считает лицемерной и опасной). В 1976 году его заочно кооптируют в Московскую Хельсинкскую группу – самую известную и активную правозащитную диссидентскую ассоциацию – и он не отка-

зывается, несмотря на свою нелюбовь к коллективной деятельности.

По возвращении из ссылки – новые поиски жилья. Наконец Марченко устраивается во Владимирской области, покупает домишко в городе Карабанове, работает истопником в котельной, пытается наладить нормальную жизнь. Обычная рутина: хозяйство, семья, регулярные обыски, регулярное восстановление написанного и изъятого, диссидентская публицистика...

4.

Мне кажется, что в отношении сотрудников КГБ к Анатолию Марченко было много личного. Сотрудники этой организации не просто преследовали его по долгу службы, его ненавидели. Еще бы: простой рабочий – а туда же, что-то пишет, высказывается. И никак не получалось его сломать – не умели, не могли. Расправиться же с ним обычным способом – арестовать и до конца жизни держать в лагере – неудобно: слишком знаменит, а из-за «разрядки напряженности» лишних мучеников плодить не велено.

В декабре 1979 года советские войска вторглись в Афганистан и разрядка рухнула в тартарары. В январе 1980-го отправили в горьковскую ссылку академика Сахарова. Марченко, который Сахарова безмерно уважал и любил, еще успел обратиться по этому поводу с открытым письмом к

коллеге Сахарова, патриарху советской ядерной физики академику Петру Капице. А в марте 1981 года Марченко арестовали в шестой и последний раз.

Владимирский областной суд приговорил Анатолия Марченко к десяти годам лагеря и пяти годам ссылки за «антисоветскую пропаганду и агитацию». Это уже был политический процесс: и обвинение, наконец, не было фальсифицировано – его судили за то, что он совершил. Точнее говоря, за то, что он написал. В обвинительном заключении и приговоре не было только «Моих показаний» и публицистики 1968 года: по этим «преступлениям» истек срок давности. Но все остальное ему с наслаждением вменили в вину: и «От Тарусы до Чуны», и публицистические выступления, и статьи о разрядке, и открытое письмо Капице, очерки, наброски и черновики, изъятые у него на десяти, что ли, обысках.

Марченко не вышел больше на свободу. Он умер от острой сердечно-легочной недостаточности (таков был официальный диагноз) в Чистопольской тюрьме 8 декабря 1986 года. За десять дней до своей смерти, 28 ноября, он объявил о прекращении голодовки, начатой им 4 августа. Требованием этой 117-дневной голодовки было освобождение всех политических заключенных в СССР.

Анатолий Марченко не был самоубийцей. Отчего же 4 августа 1986 года он начал голодовку с таким, как всем нам тогда казалось, невероятным, невозможным, самоубийственным требованием?

Вероятно, он, внимательный и чуткий читатель газет, умевший извлекать информацию даже из невразумительных публикаций советской прессы, уже тогда, летом 1986-го, почувствовал, что в стране начинается что-то происходить, что разговоры Горбачева о «перестройке» – не просто обычная партийная демагогия.

Что именно сейчас идея освобождения всех политзаключенных может оказаться не утопической фантазией, а вполне прагматическим требованием.

Марченко не был самоубийцей – но он не был и человеком, который легко меняет свои решения. А если не особо выбирать слова – он был человеком не только твердым, но и чрезвычайно упрямым. Голодовка, им объявленная, была бессрочной – что же заставило этого, пользуясь выражением Анджея Вайды, «человека из железа» снять ее в конце ноября? Все, кто знал Анатолия, убеждены, что физическая слабость не могла быть тому причиной.

Существует несколько свидетельств о том, что в конце ноября Марченко навел в Чистопольской тюрьме какой-то важный начальник из Москвы: точно не по тюремному ведомству и, скорее всего, не по ведомству КГБ. Может быть, какой-нибудь партийный чиновник из аппарата ЦК? О чем они беседовали, неизвестно – но Марченко снял голодовку сразу после этой встречи. И еще: судя по его последнему письму, полученному семьей незадолго до известия о его смерти, он рассчитывал в ближайшее время оказаться на во-

ле.

Что могло заставить этого упрямого человека прекратить голодовку? С какой стати он принялся тешить себя и близких фантазиями о жизни на свободе? И то и другое имеет только одно объяснение: он получил твердые и убедительные заверения в том, что в ближайшее время и он, и другие политические заключенные будут освобождены.

Через неделю после гибели Марченко Горбачев позвонил по телефону Сахарову в Горький, чтобы лично пригласить его вернуться в Москву. Долгое время мы были уверены, что именно смерть Анатолия Марченко в Чистопольской тюрьме и шум, вызванный этой смертью за рубежом, заставили советского лидера выпустить Сахарова из горьковской ссылки. Сейчас мы знаем, что это не так: архивные документы свидетельствуют, что вопрос о Сахарове обсуждался на Политбюро и в принципе был решен еще до смерти Марченко (хотя, возможно, именно его смерть ускорила осуществление принятого решения и побудила Горбачева прибегнуть к столь необычному и сенсационному жесту, как личный телефонный звонок опальному академику: ему нужно было как-то переломить возмущение, поднявшееся на Западе после того, как там стало известно о чистопольской трагедии).

Через месяц после гибели Марченко глава делегации СССР на Венской встрече Юрий Кашлев объявил о решении советского правительства освободить всех осужденных за «антисоветскую агитацию и пропаганду»; через несколько

дней соответствующая заметка появилась и в газете «Известия».

А в феврале 1987 года вышли на свободу первые политические заключенные. Процесс освобождения растянулся на многие месяцы и даже годы, последние несколько человек были освобождены лишь осенью 1991-го – но все-таки к 1989 году основная масса политзаключенных оказалась на воле!

Естественно, тогда мы считали, что это – посмертная победа Анатолия, результат его голодовки. В определенном смысле я и сейчас не отказываюсь от этого мнения. Конечно, такие решения, как освобождение политзаключенных, принимаются не вдруг, к ним готовятся долго и исподволь. Уже потом, задним числом, мы сообразили, что в течение нескольких месяцев, предшествовавших смерти Анатолия, происходило что-то необычное: полностью прекратились аресты по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде». Очевидно, рано или поздно Горбачев начал бы выпускать тех, кто уже сидел за эти самые «преступления». Но вот вопрос: «рано» или «поздно»? И насколько голодовка и смерть Анатолия Марченко сдвинули стрелку весов в сторону «рано»? Мы этого не знаем – и, вероятно, не узнаем уже никогда.

Так или иначе, если визитер из Москвы действительно существовал и если послание, которое он должен был передать Марченко, было именно таким, как мы предположи-

ли, то оно содержало правду: освобождение политзаключенных действительно началось. Только вот сам Анатолий его не застал. И освобождение Сахарова из ссылки, и начало освобождения политических заключенных, и все дальнейшее, что связано с именем Марченко, происходило уже за пределами его жизни.

5.

За пределами его жизни – выход в свет «Живи как все», так и не законченной им автобиографической повести. Уцелевшие от обысков фрагменты рукописи собрала вместе вдова Марченко Лариса Иосифовна Богораз; в этом виде повесть и была издана на русском языке в США в 1987 году.

За пределами его жизни – премия имени Сахарова, учрежденная и присуждаемая Европейским парламентом: в 1988 году Марченко стал первым (наряду с Нельсоном Манделой) лауреатом этой премии.

За пределами его жизни – первые публикации его текстов в 1989 году на родине. С тех пор основные книги Марченко несколько раз издавались и переиздавались в России.

За пределами его жизни – возвращение в середине 1990-х рукописей, изъятых у него на многочисленных обысках и хранившихся в его последнем следственном деле.

Муза Истории любит сближения, совпадения, рифмы. Анатолий Тихонович Марченко, человек, который пер-

вым рассказал миру о политических лагерях послесталинской эпохи, человек, который своей отчаянной и героической акцией, возможно, приблизил начало массового освобождения заключенных из этих лагерей, стал в то же время замыкающим в многомиллионной шеренге жертв «58-й статьи» (историческое название раздела Уголовного кодекса, где перечислены политические преступления), последним советским политзаключенным, погибшим в неволе.

Но дело не только в совпадениях и рифмах, которыми забавляется история. Дело прежде всего в самом Анатолии Марченко, в его личности. Он не умел и не желал смиряться с ложью. Он не захотел стать конформистом, не пожелал «жить как все», он сознательно противопоставил себя системе. Он сам выбрал для себя участь политзаключенного, судьбу «вечного зека». Даже на фоне других политзаключенных Марченко выделялся твердостью характера, нежеланием идти ни на какие, даже самые ничтожные компромиссы со злом. Он боролся с ложью, несправедливостью и в лагерях и на воле.

Опыт индивидуального сопротивления лжи и несправедливости необычайно важен в современной России. Для тех, кто сегодня пытается не допустить «повторения пройденного», память о Марченко, его выборе, его трагической гибели и конечной победе – это живая память.

Было бы, однако, неправильно сводить личность Анатолия Марченко к какому-то определенному типу, подме-

нять реального человека образом «идеального политзаключенного» или «идеального борца». «Быть борцом», «быть политическим заключенным» для него не являлось ни профессией, ни хобби, а было вынужденной необходимостью, неприятным побочным следствием его писательского труда. Марченко – литератор; и не просто литератор, а выходец из рабочей среды, из социальных слоев, бесконечно далеких от писательства. Превратившись в интеллигента, точнее – превратив себя в интеллигента, он не забывает свои рабочие корни и не стыдится, а впрочем, и не фетишизирует их. Он не отказывается от своего исходного социального опыта. Но он ценит и мир русской интеллигенции, новый для себя мир, обретенный им лишь к тридцати годам ценой огромных усилий. Не то чтобы он чувствует себя в этом мире своим – полностью своим он не чувствует себя нигде. Но он говорит о советской интеллигенции и с советской интеллигенцией как равный с равными. Он хочет ввести – и вводит – в современную ему культуру свое мироощущение рабочего парня из Барабинска, он чувствует себя представителем той России, о которой, несмотря на широковещательные декларации, мало и редко писали в советской литературе и совсем редко писали правду.

Эта сторона творческого наследия Анатолия Марченко особенно очевидна теперь, когда мы располагаем всеми его текстами и можем до конца оценить масштаб его личности как литератора и публициста.

Александр Даниэль

Хроника жизни Анатолия Марченко

1938

23 января родился в Барабинске в семье паровозного кочегара Тихона Акимовича Марченко.

1954

Окончил среднюю школу и сразу начал работать (в геологоразведочных экспедициях, на нефтеразработках и т. д.).

1958

21 января впервые арестован – по уголовному обвинению за драку, в которой на самом деле не участвовал. Приговорен к двум годам лагерей и направлен отбывать срок в Карлаг (Казахстан).

1959

18 декабря досрочно освобожден решением Комиссии Президиума Верховного Совета СССР.

1960

31 октября задержан при попытке перехода советско-иранской границы. Верховным судом Туркменской ССР приговорен к шести годам лагерей за «измену Родине». Наказание отбывал в Дубравлаге (Мордовская АССР) и Владимирской тюрьме.

1966

В ноябре вышел на свободу и приехал в Москву, где познакомился с друзьями и родственниками бывших солагерников и стал частью диссидентского круга.

1967

Закончил книгу «Мои показания» – о мордовских политических лагерях.

1968

В июле в самиздате распространялось открытое письмо Марченко в чехословацкие и западноевропейские коммунистические газеты, в котором автор возмущался нападками советских официальных инстанций на демократизацию в Чехословакии.

29 июля Марченко арестован «за нарушение паспортного режима».

21 августа приговорен к одному году лагеря и отправлен отбывать срок в Ныробские лагеря (Пермская область).

1969

В июле, накануне освобождения, против Марченко открыто новое уголовное дело – по обвинению в «распространении в устной форме среди заключенных клеветнических измышлений, порочащих советский строй».

22 августа он приговорен к еще двум годам лагерей.

1971

В июле освободился из Соликамских лагерей. Жил в пос. Чуна (Иркутская область), где отбывала ссылку Лариса Богораз, ставшая его женой. После ее освобождения они пере-

ехали в Тарусу (Калужская область).

1973

В марте у Богораз и Марченко родился сын Павел.

1975

26 февраля Анатолий Марченко арестован по обвинению в «нарушении правил административного надзора».

31 марта приговорен к четырем годам ссылки. Отбывал наказание в Чуне. К концу года закончил очерк «От Тарусы до Чуны» (издан в 1976 году в Нью-Йорке).

1976

12 мая Марченко включили в первый состав Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (Московской Хельсинкской группы) – диссидентской организации, занимающейся мониторингом нарушений прав человека в СССР.

1978

Вернувшись из ссылки, стал жить в г. Карабанове (Владимирская область), работал над книгой «Живи как все».

1981

17 марта арестован в шестой раз, на этот раз по обвинению в «антисоветской пропаганде». Ему инкриминировано все, написанное и опубликованное им за последние десять лет, а также несколько черновых заметок, изъятых на обысках.

4 сентября Владимирский областной суд приговорил Марченко к 10 годам лагерей и пяти годам ссылки, направив его отбывать срок в Скальнинские (Пермские) лагеря.

1985

В октябре за «систематические нарушения режима» Марченко переведен в Чистопольскую тюрьму (Татарская АССР).

1986

4 августа объявил бессрочную голодовку, требуя освободить всех политических заключенных СССР. В конце ноября прекратил голодовку (по некоторым сведениям – после получения заверений, что процесс освобождения политзаключенных вскоре начнется). 8 декабря скончался в Чистопольской тюрьме, по официальному заключению – от острой сердечно-легочной недостаточности. Похоронен на городском кладбище.

Анатолий Марченко. Карлаг или Дубравлаг, конец 1950-х – начало 1960-х

Анатолий Марченко, 1966–1968

*Елена Васильевна Марченко, Анатолий Марченко, Тихон
Акимович Марченко. Барабинск, 1950-е*

Лариса Богораз, Анатолий Марченко. Москва (?), 1966–1968

*Майя Злобина, Анатолий Марченко, Лариса Богораз.
Махра, 1967.*

Из семейного архива Злобиных

Анатолий Марченко. Москва (?), 1973

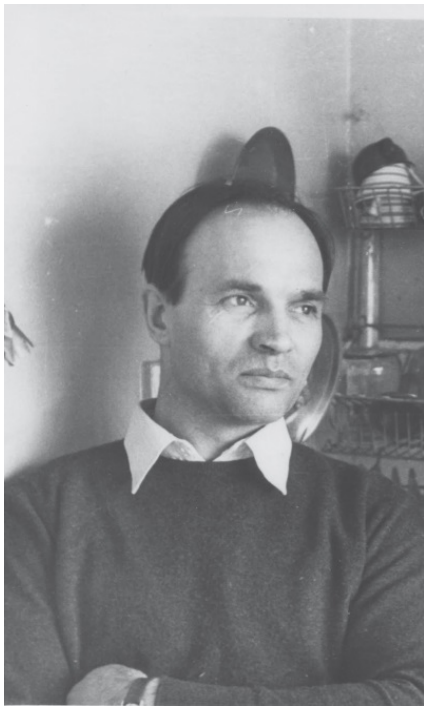
Лариса Богораз, середина 1960-х

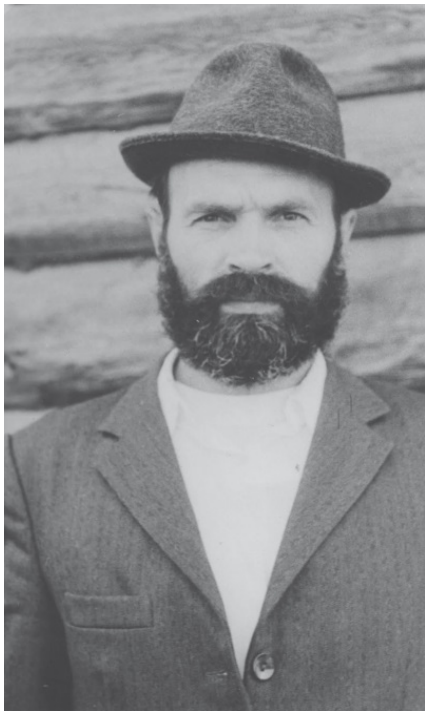
*Анатолий Марченко, Лариса Богораз, Павел Марченко.
Москва (?), 1973*

*Павел Марченко, Анатолий Марченко, Лариса Богораз.
Иркутск, 1977–1978*

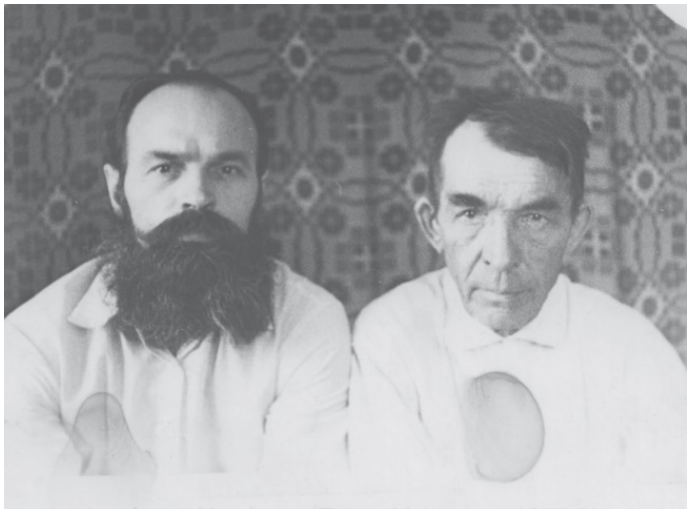
Анатолий Марченко, середина 1970-х

Анатолий Марченко. Чуна, 1975–1978

Лариса Богораз, Анатолий Марченко. Чуна, 1975–1978

Анатолий Марченко, Тихон Акимович Марченко. Чуна, 1975–1978

Лариса Богораз. Таруса, 1974–1975

Иосиф Аронович Богораз, Елена Васильевна Марченко, Павел Марченко, Анатолий Марченко, Ольга Григорьевна Олсуфьева (псевд. Алла Зимина). Таруса, 1974 (?)

Лев Лурье, Анатолий Марченко, Арсений Рогинский. Ленинград, ноябрь 1980

Анатолий Марченко. Таруса, 1974–1975

Два рассказа о первом сроке

Целина

Да, да, я тоже был на целине. Правда, меня перед тем не вызывали в ЦК, но ведомство, направившее меня осваивать нетронутые целинные просторы в казахских степях, очень известное и солидное.

Под стук колес и паровозные гудки мы шумно и весело неслись сквозь тьму выюжной ночи к не нами намеченной цели. Из нашего вагона тоже неслась песня тех лет: «Едем мы, друзья, в дальние края, станем новоселами и ты, и я...» Правда, вопреки общему запрету петь и даже громко переговариваться между собой, издавна существующему для пассажиров «Столыпина».

От карагандинской тюрьмы № 16 до карлаговской пересылки на станции Карабас поездом всего два-три часа. И вот мы плотной колонной под несмолкаемый мат конвоя и злобный лай овчарок тянемся вдоль бесконечных заборов запреток лагерей. Самих лагерей мы не видим, а только ярко освещенные запретные полосы: впереди ряд колючей проволоки, потом еще такой же ряд, а потом высокий сплошной деревянный забор с карнизом из колючей проволоки и прямо над ним электрические лампочки. А что там, за этими забора-

ми-запретками?

Я тогда был, как и большинство моих попутчиков, эком-новичком. Все мне было внове, все воспринималось и переживалось обостренно. Это потом, со временем и я очерствелю и стану все воспринимать за должное, обычное.

О пересылке, о лагере я к тому времени знал только с чужих слов. Скоро все это предстанет передо мной, и я увижу все своими глазами, услышу своими ушами, почувствую и проверю на собственной шкуре.

Карлаговская пересылка поразила меня своим размером. И не только площадью, но и огромностью бараков. Ночью эти саманные приземистые бараки казались еще более длинными и угрюмыми. В одном из таких бараков нам открыли камеру и велели заходить. Нас было человек восемьдесят: остальных сотни полторы определили в другой барак. Почему-то те из наших, кто был в первых рядах, не стали заходить в камеру и стали требовать чего-то от дежурного офицера. Я был в середине толпы и не мог сначала понять, в чем дело. Но быстро выяснилось, что в камере, куда нас хотели поместить, не было света, и поэтому зэки уперлись. И загалдели все мы: «Не пойдем, пока не будет свет... ведите в другую камеру...»

Я, ориентируясь на свои сведения о порядках ГУЛАГа, ожидал крупного конфликта и неминуемой расправы с нами со стороны охраны. К моему удивлению, офицер быстро приказал отправить нас в соседнюю камеру, и нас торопливо

в ней заперли. В камере еще шло обсуждение происшедшего и похвалялись победой, когда открылась дверь и тот же офицер с какими-то бумажками в руке назвал две фамилии. Вызванным было приказано выходить с вещами. Пересылка есть пересылка, и всякие передвижения и перетряски эков здесь явление обычное. Двое названных вышли, а минут через пять снова открывается дверь и снова берут двоих. Все считали, что это либо берут на этап, либо раскидывают по разным камерам. Дошла очередь и до меня. Я попал в паре с украинцем Лесовым. Он шел за офицером первым, а я сзади. Подвели нас к той же камере, от которой мы вначале отказались. Надзиратель открыл дверь, и нам велено было туда войти. Лесовой уперся и отказался заходить, требуя посадить его в камеру, где есть электрический свет. Надзиратель попробовал ухватить его за рукав, чтобы втолкнуть в камеру, но Лесовой быстро и резко отпрянул к противоположной стене, а я в это время услышал стоны и всхлипывания, которые слышались в темноте камеры. На подталкивания офицера сзади я среагировал, как и Лесовой. Я уже видел, как его держали за руки и за воротник несколько надзирателей. Одновременно они колотили его кто как мог и по чему попало. Упрямый украинец твердил одно: «Не пойду!»

На меня орал офицер: «Заходи... твою мать! Не к теще в гости приехал! Сейчас рога обломаем!»

Кто-то из надзирателей пинком бросил меня на офицера, а тот подхватил меня на свой кулак под ребра. Удар был

слабый и почти не причинил мне боли. Я еще размышлял в суматохе, что мне делать: то ли давать сдачи в меру своих возможностей, то ли сопротивляться пассивно, отказываясь зайти в темноту камеры. Не знаю, на чем бы я остановился, но за меня уже решили. Я был схвачен несколькими надзирателями за руки и за ноги и находился у них на руках в горизонтальном положении. В таком виде они меня поднесли к двери камеры, повернули головой к двери и, дубася остервенело кулаками и ногами, одновременно стали раскачивать, намереваясь бросить в камеру, как бревно. Во время полета я успел только вытянуть вперед руки, чтобы предохранить голову от возможной встречи со стеной или со стояком нар. Слава богу, на пол я приземлился животом, даже лицом не задел. Но руками и головой все же здорово врезался в стенку. Из-под нар вылез не сразу. Больше всего досталось правой руке, и я еще несколько дней не мог ею шевелить без боли.

Здесь, под нарами, догнал меня таким же способом Славка Ефимов – мой сокамерник по 16-й тюрьме, который будет со мной потом и на целине. Он отделался легче моего и сразу же выскочил из-под нар.

Когда я вылез, то не мог понять, в чем я здорово выво-зился под нарами. Рассмотреть же было невозможно из-за отсутствия света. Одежда была в чем-то липком, какая-то слизь была на руках. Когда зажгли спички и немного осветились, то оказалось, что мы все в крови. Я был уверен, что кровотечения у меня нет, а значит, я выводился в чужой кро-

ви. А к нам все швыряли и швыряли зэков с нашего этапа. Скоро камера была полна и мы мало-помалу стали ее обжигать. Ложиться на нары было нельзя: они все были липкими от крови. Мы отчаянно и озлобленно колотили чем могли в обитую железом дверь, требуя начальства. Но к нам даже никто не подходил. Тем временем наступил подъем и в коридоре забегали надзиратели и обслуга-зэки. Мы отказались принять хлеб и завтрак, требуя начальства. Когда за окном стало сереть, мы лучше рассмотрели камеру и обнаружили, что стены расписаны. Кровью на стенах были написаны лозунги: «Коммунисты палачи» и «Смерть коммунистам».

Из разговоров с соседними камерами через окна мы уже знали, что зэки в этой камере ночью перед нашим этапом коллективно вскрыли себе вены и залили кровью камеру. Кого-то из них отправили в больницу тут же при лагере, кого-то посадили в карцер, а нескольких человек в «воронке» отправили в Караганду под следствие.

Начальство к нам пожаловало где-то часов в десять. Зашел зам. нач. пересылки с каким-то офицером. Наша братва, не стесняясь в выражениях, стала требовать перевода в другую камеру, грозили жалобами в прокуратуру и даже в ЦК в Москву. Майор иронически улыбался и все время молчал. Потом ему, видно, надоело нас слушать, и он обратился к офицеру: «А вообще-то это не порядок! Дать им воды, тряпки и пусть уберут кровь!»

«Мы не будем убирать!» – орали мы. Среди нашего об-

щего ответа было много мата и ругательств в адрес МВД, но на это никто из вошедших не обращал внимания. Скоро они вышли, нам же в кормушку бросили несколько тряпок, а вслед за тем в открывшуюся дверь бросили два грязных ведра и принесли бак воды.

Вторая ночь тоже не обошлась без ЧП. Среди ночи, когда большинство уже спали и лишь заядлые картежники резались в карты при тусклом свете маломощной лампочки под металлическим колпаком в нише над дверью, нас всех поднял прозвучавший с ближайшей к нашему барaku вышки выстрел. Потом началась беготня надзирателей около барakov, а эки стали переговариваться через окна и обсуждать да гадать, что бы это значило. А скоро мы получили точное сообщение: часовой застрелил зэка, пытавшегося перелезть через запретку. Зима была в том году очень снежная, снегу намело почти вровень с забором. Зэк был из obsługi пересылки, и что-то его толкнуло попытаться уйти на волю. Часовой его заметил только тогда, когда он перешагивал через карниз запретки. Уложил его намертво с одного выстрела.

Нам не повезло с этапом и суждено было загорать на пересылке дольше, чем держат тут зэков обычно. Зимой из-за малой потребности лагерей в рабочей силе меньше этапов. Ведь большинство лагерей здесь сельскохозяйственные. Ближе к весне пересылка будет пустой, так как этапы будут ежедневно. Еще в тюрьме я много слышал рассуждений на тему: где легче и выгоднее отсиживать срок. Одни хвалили

сельхозлаг, то есть целину. Другие, наоборот, не хотели туда попадать.

Тогда в лагерях еще существовали зачеты. Зачеты были двух видов: один рабочий день в лагере засчитывался за два или три из срока. Если попасть на работу, где зачеты один к трем, то с трехлетним сроком можно освободиться через год. Вот все и рвались попасть туда, где день к трем. Из ближайших лагерей богатым на зачеты был лагерь в Топаре. Там строилась тепловая электростанция – ГРЭС, и ээки туда рвались. А в сельхозе, на целине, день к трем давался только механизаторам: шоферам, трактористам, комбайнерам.

Зато на целине летом было легче со жратвой: то картошкой бригада разживется, то морковью, капустой, зерном и даже молоком.

К тому же зачеты – штука ненадежная: сегодня ты заработал их, а завтра за какую-нибудь провинность у тебя их отобрали.

Я еще в тюрьме решил не «выбирать» и не рваться никуда, а предоставить выбор судьбе. «Куда повезут, туда и ладно», – решил я.

Под конец зимы, когда мы все были от переполненности камер, начались ежедневные вызовы на этап. Приезжали на пересылку представители лагерей и отбирали себе рабсилу. Ээки называли их, этих лагерных представителей, «покупателями». Обычно они отбирали себе ээков по «делам». В этих папках о каждом из ээков сказано коротко все: кем ра-

ботал до ареста, семейное положение и место жительства. Покупателей больше всего интересовала профессия зэков. Одним, например, из строительных лагерей, нужны были рабочие со строительными профессиями или просто здоровые мужики, способные на тяжелую физическую работу. В целинные лагеря нужны были механизаторы и тоже здоровые мужики на разные работы, в том числе и на строительные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.